

Зоя Лысова (Прага, Чехия)

МОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ОСМЫСЛЕНИЯ ВЫМЫШЛЕННОГО

Станислав Лем – один из самых известных писателей – фантастов. Он рассказывает о новых мирах, будущих событиях так, что не возникает никакого сомнения в подлинности их существования. Любопытно посмотреть, каким же образом Лему удастся обеспечивать подобную реалистичность на примере его повести «Человек с Марса». На наш взгляд, утверждение вымысла как новой сферы применения модального анализа допустимо, поскольку именно в литературе (неважно, какого жанра и какого стиля) наиболее достоверным образом описываются варианты возможных миров. Под модальным анализом мы подразумеваем анализ чего-либо с точки зрения категорий возможности, действительности и необходимости. Это фундаментальный анализ как бытия в целом, так и высказываний в частности.

Концепция возможных миров имеет длительную историю. Как известно, она впервые была разработана Лейбницем в его телеологической концепции мироздания. Под возможными (или логически возможными) мирами он понимал такие миры, явления в которых можно описать без противоречия. Как писал Рассел, по Лейбницу действительный мир состоит «из самых больших групп совозможностей» [1 С. 613].

Наиболее популярна сейчас теория возникновения и истинности возможных миров Дэвида Льюиса*, так называемый модальный реализм. Для него возможные миры претендуют на статус онтологической, конкретной действительности. То есть любое высказывание (будь то простое предложение или целый роман) создает где-то физически данный мир. Льюис приводит два аргумента в пользу того, что существует бесконечное множество физических миров. Первый можно определить как прагматический, поскольку признание существования множественности миров, в которых любое модальное суждение становится истинным, очень удобно для решения боль-

---

* Возможна другая транскрипция имени: Дэйвид Льюиз

шого количества разнообразных философских проблем. Ведь тогда правом на существование обладает практически любое объяснение, поскольку высказывание есть ни что иное, как система миров, в которых оно истинно. Об этом он говорит в связи с рассмотрением взаимоотношения теории модального реализма и понятия модальности. Логику его рассуждений можно проиллюстрировать следующей цитатой: «In Australia, all swans are black – all swans are indeed black, if we ignore everything not in Australia; quantifying only over things in Australia, all swans are black. At some strange world W , all swans are blue – all swans are indeed blue, if we ignore everything not part of world W ; quantifying only over things that are part of W , all swans are blue». (В Австралии все лебеди чёрные – все лебеди, действительно, чёрные, если мы игнорируем всё, что находится не в Австралии; учитывая только вещи в Австралии, то все лебеди чёрные. В некотором странном мире W все лебеди голубые – все лебеди в самом деле являются голубыми, если мы игнорируем всё, что не является частью мира W ; учитывая только вещи, которые составляют часть мира W , то все лебеди голубые») [3 с.5]

Во втором аргументе Льюис апеллирует к таким индексальным терминам как «я», «здесь» и «сейчас», слова «актуальный», «действительный» и их синонимы. Они зависят от контекста, в котором употреблены. Мыслитель пишет: «I suggest that ‘actual’ and its cognates should be analyzed as indexical terms: terms whose reference varies, depending on relevant features of the context of utterance. ... According to the indexical analysis I propose, ‘actual’ (in its primary sense) refers at any world w to the world w . ‘Actual’ is analogous to ‘present’, an indexical term whose reference varies depending on a different feature of context: ‘present’ refers at any time t to the time t . ‘Actual’ is analogous also to ‘here’, ‘I’, ‘you’ and ‘aforementioned’ – indexical terms depending for their reference respectively on the place, the speaker, the intended audience, the speaker’s acts of pointing, and the foregoing discourse». (Я предлагаю, что «актуальное» и родственные с ним термины необходимо актуализировать как индексальные термины: термины, значение которых меняется в зависимости от особенностей контекста высказывания. В соответствии с предлагаемым мною индексальным анализом, «актуальное» (в его первоначальном смысле) относится в любом мире w к миру w . «Актуальное» аналогично «настоящему», ин-

дексальному термину, чье значение меняется в зависимости от особенностей контекста: «настоящее» относится во времени t ко времени t . «Актуальное» также родственно таким словам, как «здесь», «Я», «Вы» и «вышеуказанное» – это индексальные термины, значения которых зависят непосредственно от места, от говорящего, от вовлеченной аудитории, от интонационных точек говорящего, от предшествующего дискурса») [3 с.93]

Пространство художественного произведения конструируется аналогичным способом, что и устные рассказы о действительно происходивших событиях. Но каков же механизм построения подобного истинного, непротиворечивого мира? Существует два основных подхода: теория копирования (Льюиса) и теория идентичности (С. Крипке). Согласно теории копирования, наш актуальный мир – образец для подражания. Некоторые из них более похожи на наш актуальный мир, нежели другие. Любое положение вещей становится возможным тогда и только тогда, когда оно истинно в каком-либо мире. Именно поэтому качественная фантастика воспринимается как описание нашего мира, но как бы с другой точки зрения (временной или пространственной). Например, возможно, что Марс обитаем тогда и только тогда, если существует мир, в котором это так. Этот мир будет единичным и абсолютно равным нашему миру, но там исторически сложилось так, что доподлинно известно существование жизни на красной планете. Причем, если что-то изменится в актуальности, то в подобном возможном мире все произойдет с точностью наоборот, то есть существует неразрывная связь между этими мирами.

Теория идентичности признает существование множества возможных миров, в которых ареантропы существуют. Разница между этими теориями заключается в том, что в конкретном возможном мире Льюиса существует непосредственная копия планеты (только с той разницей, что она обитаема). А с точки зрения теории идентичности в возможных мирах существует множество планет, похожих на Марс, но они независимы от образца (находящегося в нашей конкретной вселенной), они автономны.

Возникает вопрос: фантастические миры бытийствуют независимо от нашей действительности или же они привязаны к объективной реальности? Для ответа на этот вопрос проанализируем первый абзац повести Станислава Лема «Человек с Марса»: «Улица жила.

Лязг вагонов надземки, сигналы автомашин, громыханье мчащихся троллейбусов, мощный гул человеческих голосов кипели в темно-синем воздухе, разрываемом на клочья тьмы снопами огней всех цветов и оттенков. Толпа переливалась, как множество змей, плотно заполняя тротуары, поблескивая в светлых квадратах витрин и погружаясь в полумрак домов. Только что омытый асфальт шипел под сотнями автомобильных шин. Одно за одним проносились скользкие на вид черные и серебристые тела длинных машин». [2 с.7]

На наш взгляд, автор создает мир согласно теории идентичности, поскольку события происходят в пространстве, которое существует автономно от мира читателя, но, тем не менее, очень напоминает его. Так повесть начинается с описания типичного индустриального пейзажа, упоминания стандартных для города транспортных средств (троллейбусы, машины). Индексальным термином, который позволяет подобному миру претендовать на статус онтологически возможного, выступает словосочетание «только что», именно оно погружает читателя во временное пространство происходящего.

Другую возможную аргументацию мы находим в статье Льюиса «Истинность в вымысле». Она аналогична примеру о существовании голубых лебедей и заключается в следующем. Когда мы говорим о повести, мы начинаем рассказ со слов «В таком-то художественном произведении...», присоединяя к нему пропозицию Р. В дальнейшем, мы уже опускаем присоединенный оператор, и остается лишь само высказывание, которое воспринимается слушателем как непосредственное описание актуальной реальности. Но нужно понимать, что без этого зачина нельзя оценить в дальнейшем истинность высказывания, то есть всегда необходимо помнить о контексте.

Причем контекст можно понимать в двух смыслах. Во-первых, контекст самого непосредственного написания произведения. То есть при анализе произведения учитывать наличие живого автора, который рассказывает то, что знает, выдавая это за истинное. Во-вторых, контекст как фон, который всегда существует в художественной литературе. Под фоном подразумевается тот смысл и то содержание, которое читатель привносит сам, заполняя лакуны, оставленные автором. Именно поэтому узнаваемые образы нашей действительности, описанные Лемом, воспринимаются как актуально существующие.

Более наглядным может показаться следующая цитата. Вымышленный персонаж Макмур говорит: «Господа, я – репортер, то есть был репортером «Чикаго уорд». По некоторым причинам два месяца тому назад меня уволили. В поисках работы я приехал в Нью-Йорк. Я здесь уже несколько недель, но ничего не нашел, а что касается того, как я к вам попал, то уверяю вас, это чистая случайность. Думаю, никому не возбраняется почитать «Нью-Йорк таймс»?» [2 с. 11]

В первую очередь, необходимо выделить такие индексальные понятия как «я», временные доминанты «два месяца», «неделя» и названия газет. Местоимение отвечает за онтологическое обоснование текстового пространства, а обозначение времени и название газет за идентичность созданного мира миру нашему. Подобные слова обеспечивают истинность всех высказываний данного произведения, что позволяет читателю безоговорочно верить в происходящее. Причем необходимо отметить, что такой мир мы называем идентичным (а не скопированным), поскольку он существует автономно от нашего актуального мира.

Интересен факт многоуровневости анализируемой повести. Ведь основное, что отличает описываемую вселенную от нашей – это наличие ареантропа и жизни на самом Марсе. И вот именно то, каким образом внутри вымышленного пространства создается еще одно (обитаемый Марс), весьма любопытно. С одной стороны, герои повести понимают, что нельзя оценивать ареантропа с позиций чисто человеческих. С другой, языковые средства и принципы нашего мышления не позволяют иначе думать о нем. Так впервые мы слышим о пришельце из реплики Фрейзера: «Как бы вам сказать? Для этого вообще нет слов... Что-то вроде механического робота». [2 с.21] Попытка объяснить природу этого явления с других позиций не может увенчаться успехом, хотя все герои понимают неправильность подхода к изучению инопланетного существа. Например, Макмур говорит: «Мне кажется, нам не следует заниматься сравнениями, то есть стараться очеловечивать... объект». [2 с. 28]

Подобные же рассуждения мы находим и в конце повести, когда ученые пересказывают увиденное в вынужденном сне: «Пустыня. Раскинувшаяся на многие километры, серо-желтая, усыпанная обломками камней, усеянная огромными воронками и песчаными холмами пустыня, над которой висело огромное, невероятно глубокое,

светло-зеленое небо. Какое странное небо! На нем — звезды, хотя было и солнце. Оно показалось мне вроде бы немного поменьше, чем обычно, но грело сильнее и висело высоко, над самой головой». [2 с. 84–85] Воображение рисует картину Марса, составляя ее из обломков чего-то уже виденного на Земле, поскольку любое слово в данном случае выступает как индекс, который привлекает уже знакомые образы.

Для непознанного должны быть собственные слова, но тогда не может быть и речи о состоявшейся полноте коммуникативного акта. Именно поэтому любое фантастическое произведение воспринимается как истинное с точки зрения первичного пространства (благодаря средствам модальной логики) и как ложное, когда речь заходит о более глубоких структурах вымышленного мира, отличных от нашего актуального мира.

Список использованной литературы:

1. Рассел Б. История западной философии. М., 1959
2. Лем С. Человек с Марса. // Человек с Марса. М: Изд-во Текст, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998
3. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Blackwell Publishing, 2005
4. Столнейкер Р. Прагматика. //Новое в зарубежной лингвистике. вып. XVI – Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс 1985,– с. 419–438
5. Льюиз Д. Истина в вымысле. //Логос, 3 (13), 1999 с. 48–68
6. Крипке С. Тождество и необходимость. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. – М, 1982 с. 340–376.